

Барсукова С.Ю. НЕФОРМАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА: ЭКОНОМИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004.448 с.

Книга С. Ю. Барсуковой посвящена теме, обширность и значимость (как теоретическая, так и прикладная) которой сомнений не вызывает. Неформальная экономика - это многообразные отношения, глубоко укорененные в разных пластах и зонах социума. Можно полагать, что ее феномен архетипичен. Такого рода экономика, по сути своей, выступает в качестве места рождения, фона, условия и в некотором роде оболочки экономики формальной. Подчеркиваю эти общие обстоятельства, чтобы в ходе последующих оценок и выводов не упустить важного впечатления: автор книги, аналитически работая в современных хозяйственно-экономических контекстах, самой структурой, содержанием и организацией исследовательских усилий демонстрирует некие теоретические модели и действия, способные (при их реализации) пролить свет на устройство и смысл давно минувших неформальных экономических практик. Здесь налицо феномен, который запечатлен в известной формуле К.Маркса: "анатомия человека есть ключ к анатомии обезьяны".

Работа способна служить методологической и инструментальной "лупой" для рассматривания минувших экономических порядков. Задачи такой, разумеется, не ставилось, книга подчеркнута актуальна, нацелена в зону прогноза, однако всей своей структурой она прокладывает объективную канву для соответствующих историко-экономических разысканий. Это обстоятельство говорит о высоком качестве представленного научного труда, свидетельствует о научной зрелости и проницательности автора.

Своевременность работы очевидна. Во-первых, потому, что складывающиеся в России и в мире социально-экономические практики предполагают широкое, пронизывающее участие того, что называют неформальной экономикой. Во-вторых, потому, что значимость и объемы неформальных практик будут как количественно, так и качественно возрастать и расширяться, в частности потому, что развитие сетевых форм предпринимательства и жизнеобеспечения как характеристика сетевого общества постиндустриального типа усиливает потенциал и перспективы неформальной экономики. Спецификой предлагаемого С.Ю. Барсуковой анализа является то, что автор сознательно и твердо выдерживает определенный, а именно - экономико-социологический угол зрения на данную проблематику. Вечный и до поры неопознаваемый феномен неформальности начинает "светиться" тогда, когда аналитик исходит из понимания экономического действия как действия социального. То есть когда его исследовательская оптика отслеживает гораздо более широкую и разнообразно детерминированную зону социально-экономической реальности. Такого рода исследовательская нацеленность соотносится с той мировоззренческой парадигмой, которую сформулировал Т. Шанин, критикуя "идею прогресса". Действительно, привычные представления о неограниченном линейном прогрессе мешают рассмотреть общественный мир во всей его сложности и многообразии; не позволяют увидеть в нем параллельные формы, которые сосуществуют друг с другом, не "отмирая" и не являясь этапами единого процесса. Именно широта взгляда, соединяющего экономические и социологические компоненты, позволяет понять то, что можно назвать неформальной или эксплоярной экономикой как важнейшей стратегией жизни и выживания, - как в индустриальном, так и в "постиндустриальном" мире.

В книге вполне убедительно и обоснованно представлено структурирование неформальной экономики, размечено сегментное строение ее специфических пространств, С.Ю. Барсукова с предельной наглядностью демонстрирует материализованную в тексте способность обстоятельно, опираясь на предшественников, рассуждать,

обнажать логику научного поиска, фиксировать собственную позицию, намечать пути дальнейшего движения. Констатируя "единство в понимании сущности неформальной экономики и ее внутренней структуры у разных авторов" и подчеркивая, что "это понимание выражается в широком терминологическом диапазоне", она собирает собственную схему - "из тех блоков рассуждений, авторы которых представляются наиболее убедительными". Что получается в итоге? А получаются две неформальных экономики - "вопреки закону" и "вне закона". Это деление в содержательном отношении весьма удачно, поскольку дает простор для внутренних уточняющих научных инициатив. Такого рода аналитические схемы хорошо укладываются в сознании, приспособлены для учебного потребления.

Вместе с тем, отмечу следующее обстоятельство - похвальное стремление автора к лаконичной и образной формульности ("вопреки" и "вне") должно быть обуздано жесткой самокритикой. Дело в том, что в русской речи налицо негативная коннотация сочетания "вне закона". Находиться "вне закона" - это более опасная позиция и репутация, чем стоять поперек закона. Объявить кого-либо *вне закона* - это ведь вычеркнуть его из социума. Поэтому более удачным было бы, на мой взгляд, назвать этот крупный и интереснейший в экономико-социологическом смысле сегмент неформальной экономики - "параллельно закону", "возле закона", "опричь закона", в конце концов.

Далее в книге представлена обширная панорама исследовательских позиций и авторских выводов, касающихся причин развития неформальной экономики, аналитических моделей ее объяснения, структурно-институционального анализа, а также специальный раздел, посвященный неформальной экономике в России. Особый интерес (по причине практической остроты и научной новизны) привлекает тот раздел работы, где автор сосредоточивается на системе ценностей россиян как социокультурной основе неформальной экономики (глава 6). То, что жители нашей страны - прирожденные экономико-социологические "неформалы", является общим местом. И вряд ли народный дискурс в данном случае ошибается. Но вот довольно сложная, тонко уравновешенная архитектоника причин и факторов того, что неформальная экономика в России, что называется, "в заводе", "в обычае", "в законе", исследуется, пожалуй, впервые. С.Ю. Барсукова, размышляя о соотносительности масштабов неформальной экономики с нравственным климатом общества, значительным элементом которого являются ценностные установки, опирается как на серьезную академическую традицию, так и на собственный опыт исследования этого феномена. Отсюда - взвешенность оценок и пронизательность выводов, которые вряд ли могут быть сформулированы только в библиотечной тиши. Для этого необходимо в большой степени свойственное автору книги "чувство поля".

В силу собственных аналитических пристрастий, мне хотелось бы остановиться на главах книги, где исследователь обсуждает такие важные сегменты неформальной экономики, как сети поддержки (гл. 18, 19, 20) и домашняя экономика (гл. 21, 22). Научная значимость и ценность этого анализа во многом обусловливается личным участием автора в соответствующих полевых проектах. "Аналитическое умерщвление жизни", необходимое как стартовый этап любого серьезного труда, трансформируется в этих главах в симфонию социальных практик самых что ни на есть корневых акторов, взятых из глубины городского и деревенского социума.

На мой взгляд, самым важным научным достижением С.Ю. Барсуковой в этой части работы является искусство и тщательность интерпретационно-аналитических "мизансцен", вмещенных в панораму повседневности. Опираясь на сетевые бюджеты, графические изображения эгоцентричных сетей, интервью по сетевой проблематике и целый ряд других эмпирических свидетельств, автор конструирует образ неформальной экономики, которая сложилась в России на рубеже веков. При всей его выразительности и рельефности, этот образ - научный. Притом, построенный на базе строго выдержанной и творчески примененной концепции экономической социологии.

Но, как это часто бывает с творческими, самостоятельными работами, ее недостатки являются продолжением достоинств. Как уже отмечалось, книга опирается на громадный исследовательский и эмпирический материал. Работая с ним, необхо-

димо сосредоточиваться, фокусировать, выделять ключевое. Однако обзорный, имеющий целью обсервацию, инвентаризацию и соподчинение малых и больших помещений и зон неформальной экономики, ее текст становится порой похожим на затянутый дивертисмент со вставными интермедиями. Однако это замечание скорее формально-композиционное. Обратимся к содержательным.

С.Ю. Барсукова пишет, что домашней и реципрокной экономикам нет нужды уворачиваться от формального прессы, так как они существуют в иной хозяйственной плоскости, то есть их отношение к формальному институциональному пространству редуцируется к понятию "вне". Но если это так, то что же является их движущей силой? Что является их целью, их логикой? По мнению автора, целью этих экономик является "выживание". Но ведь это слишком узкое понимание такого рода практик. "Выживание" здесь - цель окольная, ничтожная, служебная. На самом деле эти экономики воплощают некие социальные логики, в которых качество жизни увязано с выживанием, но еще более - с широко построенной картиной человеческих отношений. Это - логика жизни, работающая над вопросом "как надо жить?" И отвечающая на него.

Далее она, справедливо отмечая, что участники сети далеки от точного соблюдения количества принимаемых и отдаваемых даров, а также их стоимостного соответствия, так и не дает ответа на вопрос, почему сети при этом устойчивы и бесконфликтны. Есть ссылка на некие культурные коды, но остается открытым вопрос: кто или что заставляет людей следовать этим загадочным культурным кодам?

Без ответа на этот вопрос анализ сетевых взаимодействий грешит идеализацией. "Сетевые взаимодействия не являются инструментом максимизации прибыли их участников. Скорее, это механизм выравнивания жизненных возможностей участников сети, система разноплановой и оперативной взаимопомощи. Совокупная сопротивляемость внешней среде повышается, даже если в сеть объединились бедные домохозяйства. Это достигается за счет более гибкого использования совокупных ресурсов и возможности их поочередного использования на благо входящих в сеть домохозяйств" (с. 377). Представляется, что в такого рода конструкции наличествует изрядная порция наивности. Стало быть, люди объединяются в сеть, чтобы уравнять свои жизненные возможности. А зачем им это надо? Они что, убежденные антидарвинисты? Конечно, нет! Один сосед скорее сожжет второго, чем поможет ему быть таким же, как он сам. А уж тем более - сильнее. Что на деле представляют собой "совокупные ресурсы"? Если это разного рода "помочи", то это сейчас практикуется только между близкими родственниками, знакомыми, друзьями. Помочи - это круговая повинность, это очередное "орудие слабых". За этим никоим образом не прячется никакого "механизма выравнивания". Да и раньше, в общинах, это был один из способов рациональной оптимизации усилий ее членов. Даже внутри общины люди никогда альтруистически не работали на "благо" друг друга.

Предлагаемый С.Ю. Барсуковой ответ редуцируется к понятию "социальное приращение" и "социальные санкции". Люди помогают друг другу не потому, что они захвачены духом альтруизма, а потому, что вынуждены подчиняться правилам игры в социуме, даже если эти правила контрастируют с их личным, узко эгоистичным интересом. Эти идеи содержатся в главе, посвященной идеологическим трактовкам неформальной экономики (гл. 3), а также в анализе природы сетевого доверия (гл. 7). Все так. Но читателя не надо ставить в ситуацию, когда при пропуске этих глав ему не ясны позиции автора по поводу других сюжетов.

В качестве вывода из анализа всей книги берусь утверждать, что автор дал пример масштабного, многоаспектного и, одновременно, вдумчивого и скрупулезного исследования структуры и функциональных зон неформальной экономики. И это научное достижение заслуживает высокой оценки.

В.Г. ВИНОГРАДСКИЙ,
доктор философских наук (Саратов)